

Олег Янковский: „О моем друге“

Режиссер Роман Балаян работает в Киеве на студии имени Довженко. Фильм Балаяна «Полеты во сне и наяву» выдвинул его в число ведущих режиссеров советского кинематографа.

О Ромane Балаяне, о совместной с ним работе рассказывает заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола Олег ЯНКОВСКИЙ.

НЕТ НИЧЕГО ТРУДНЕЕ, чем говорить о друзьях. Играть на сцене, стоять перед объективом кинокамеры — занятие для меня более привычное. И все же попробую...

Автор сценария «Полетов во сне и наяву» Виктор Мережко, режиссер и я, сыгравший главную роль, — ровесники, принадлежим к поколению сорокалетних. Сорок лет — прекрасный возраст: человек еще многое может и уже кое-что умеет...

Замысел картины исходил от Балаяна. Так случилось, что после экранизации двух рассказов — Чехова «Каштанка» и Тургенева «Бирюк» — он был, по выражению кинематографистов, в простое — не снимал. Сложившаяся ситуация заставила задуматься. А когда умный человек задумывается, из этого, как правило, возникает что-то путное. У Балаяна, например, родилась идея сделать фильм о человеке, который, не сумев реализовать свои возможности, развевал, разматывал собственную жизнь по пустякам. Мережко же в это время, потрясенный крушением судьбы одного близкого друга, написал сценарий «Полетов...».

...Герою фильма Сергею Макарову вот-вот стукнет сорок, он вроде бы имеет все и не достиг ничего. У него есть работа, не ставшая делом, жена и дочь, не ставшие семьей, возлюбленная, не ставшая любимой, одноклассник, не ставший другом. У Макарова удивительное свойство: он все время летает во сне. А наяву... рад бы взлететь, да крыльев нету...

Образы людей, которым «суждены благие порывы, но свершить ничего не дано», издавна привлекали художников. В русской литературе к ним впервые обратился Пушкин. Герой его романа «Евгений Онегин» «дожил без цели, без трудов до двадцати шести годов», странствовал, бесцельно философствовал, скучал. А Лермонтов вывел в «Герое нашего времени» Печорина, который мучился пустотой своего существования, а тем, с кем сталкивался, приносил одни несчастья. Обоим, как и их создателям, не было тридцати.

В наше время, к сожалению, желание посмотреть на себя со стороны, разобраться в собственных слабостях и заблуждениях нередко возникает на исходе четвертого десятка. Вот парадокс: мы помудрели, а взрослеем медленнее, некоторые ж на всю жизнь так и остаются «вечными мальчиками», романтиками на час.

Наше искусство заметило симптомы этой болезни, я бы назвал ее затянувшимся инфантилизмом. Так, драма Александра Вампилова «Утиная охота» — о человеке, который где-то к сорока (опять к сорока!) ощутил бессодержательность своего бытия. Его грызет тоска... Сценарист Александр Володин и режиссер Георгий Данелия в грустной комедии «Осенний марафон» показали другую грань явления: их герой судорожно стремится изменить суетное, полное ошибок существование, но не может выйти из замкнутого круга, в который попал, подчинившись обстоятельствам.

«Полеты...», жанр которых мы определили как ироническую трагедию, — дальнейшее развитие актуальной темы. Балаян, словно врач, исследует пациента, страдающего «аллергией на будни», и ставит диагноз: бездуховность, гражданская безответственность, соблазн беспечного, бездумного существования ведут к жизненному проигрышу. А каждая несостоявшаяся судьба — беда для общества, в котором на одну единицу человеческого духа станет меньше.

Во время съемок мы сдружились с Романом Балаяном, хотя раньше даже не были знакомы. Нас роднило не только общее дело — обнаружилось совпадение взглядов, мнений, точек зрения. Я встречался с разными мастерами (на счету — более сорока картин), но такое слияние — творческое, духовное, человеческое — ощутил впервые.

Армянин по национальности, Роман, помоему, воплощает лучшие черты своей нации — мудр, дипломатичен, обаятелен, лукав. Может, южное солнце зарядило его теплом? Не знаю, но с Романом необыкновенно уютно, он буквально излучает флюиды доброты, участия, понимания.

Актеры отмечают своеобразную методику работы Балаяна. Он вроде бы ничего не навязывает, ни на чем не настаивает, но упорно добивается выполнения своих решений, реализации своих идей. Театральному актеру, привыкшему проживать роль постепенно, трудно сохранить верное состояние на съемочной площадке, где все отрывочно, разорвано на эпизоды. Балаян помогает закрепить каждую удачную находку, в ход идут и шутки, и убеждение, и даже волевой приказ.

Кто-то остроумно заметил, что режиссеров в кино работает много, а кинорежиссеров мало. беру на себя смелость утверждать: Балаян — истинный кинорежиссер.

Заряд энергии у Романа велик — гору с места сдвинуть может. А посмотришь — апатичен, медлителен, будто полуспит, говорит с какой-то сонной ленцой. Его дремота обманчива: за ней — взрывной темперамент, острый ум, цепкая наблюдательность. Кажется, Балаян быстро сходится с людьми — коммуникабельный, легкий, в сущности же он скрытен, закрыт для всех. Я самонадеянно считал, что хорошо его знаю, — ошибался: мне открылись только некоторые его стороны. Так же непросто и картины моего друга. Его волнуют не острые перипетии сюжета, а глубины человеческой психологии. Вслед за поэтом режиссер допытывается: «А как у вас с величием души? Все остальное, кажется, в порядке. Но, не играя в поддавки и прятки, скажите — как с величием души?»

СЕРГЕЮ МАКАРОВУ трудно ответить на этот вопрос. Да, врет на каждом шагу — жене, любовнице, коллегам по работе, друзьям. Да, непредсказуем в мыслях, эмоциях, поступках. Да, измаялся в созданной им самим суете. Но как хорохорится, как петушится этот «честный плут», обаятельный наглец! Как артистичен, мил, как нравится женщинам! Как остроумен, неистощим на выдумки! Вдруг решил всем говорить правду. Окружающие всегда сквозь пальцы смотрели на «милого лжеца», а тут возмутились: неприятно иметь дело с человеком, в котором неожиданно проснулась совесть, — неудобно, дискомфортно, как нынче принято говорить.

А у Макарова — новая затея: пикник в честь собственного сорокалетия, своеобразное прощание с молодостью, с веселыми забавами. Его ищут, волнуются, думают, утонул, а он в сторонке посмеивается над людской доверчивостью и простодушием. Розыгрыш Сергея развевал компанию — кому ж охота оставаться в дураках? Разразился скандал. Обозленный, Сергей убегает куда-то в поле. И тут наступает разрядка: он корчится от рыданий, вжавшись в стог сена, дрожит то ли от холода, то ли от ощущения пустоты, то ли от сознания одиночества. Мудрые римляне называли стыд одним из самых сильных чувств. Ох, как стыдно Сергею, больно, тошно...

В сценарии Макаров умирал. Балаян, мне кажется, нашел более сильный финал — Сергей будет жить. Но как? Кто поможет? Сможет ли он обрести себя? Фильм не дает ответа на эти вопросы, предоставляя простор для зрительского воображения.

Для меня роль Макарова — исповедь, потому что она — один из вариантов вечного сюжета о поисках своего места в жизни. Наверное, на моем пути встретятся другие работы — глубокие и интересные, но эта неповторима. Макаров не просто характер — это тип, воплотивший определенные черты своего поколения, точно схваченные сценаристом и режиссером.

Не оправдываю своего героя, но жалею его и сострадаю: он так безжалостно растоптал свою судьбу!

Зрители, судя по письмам, которые я получаю, поняли авторский замысел. «Мне только двадцать», — пишет одна девушка. К счастью, я намного раньше Сергея поняла, что маленькая ложь влечет за собой большую. Какой характер посеешь, такую судьбу пожнешь».

Недавно во Франции состоялась премьера нашей картины. Я боялся, что французы не поймут ее. Страхи оказались напрасными: социальное и психологическое исследование Балаяна волнует и задевает независимо от того, где смотрят фильм — в Париже или Москве.

На кинорынках прошлогодних Каннского и Московского фестивалей «Полеты...» купили более двадцати стран, среди которых такие крупные кинематографические державы, как США, ФРГ, Италия, Англия, Япония. Мой Макаров отправляется в кругосветное путешествие...

А я вернулся в Москву в надежде продолжить совместную работу с Балаяном. И без колебаний принял предложение — играть в его новом фильме «Поцелуй» по мотивам одноименного рассказа Чехова. (Думаю, не случайно Роман второй раз обращается к этому писателю — его психологизм, грустная ирония, отвращение к пошлости близки режиссеру).

У картины есть восторженные приверженцы и ярые противники. Я могу говорить о ней только в превосходной степени.

Неброская камерная лента (она посвящена нескольким эпизодам из жизни офицеров старой русской армии) требует пристального взгляда. Мне кажется, она источает аромат лесов и полей России, настолько чиста ее интонация. Хочется соавтвить работу Балаяна с дорогим вином, которое пьют медленно, смакуя каждый глоток. И, только распробовав, ощущают «послевкусие».

25 MAR 1984